

* * *

Опускаю в говорливый
весенний ручей
бумажный кораблик.
Бегу за ним,
хлюпая по грязи
детскими
резиновыми сапожками,
после
долго машу вослед,
согревая дыханием
красные
окоченевшие пальцы.

Далеко впереди,
за околицей,
за Козовской горой,
за бесконечным летом,
плавно несет свои воды
река,
в которую впадают сотни,
тысячи
таких же, как мой,
ручейков
с белыми
бумажными корабликами.

Счастливый,
я еще не знаю
ее названия.

* * *

Жуче, верному другу

– Что же так долго не едет хозяйка?
Тянутся дни... Убегают недели...
(У деревенских попробуй узнай-ка,
Где заплутала она, в самом деле.)

Люди читать по глазам не умеют, –
Им только дай подержаться за лапу.
...Охрою клен засыпает аллею,
Ставит одну за другою заплаты.

Ни суеты в палисаде, ни смеха.
Крепом задернуты в доме окошки.
За Рутавечью катается эхо
Баб, растерявших с грибами лукошки.

Мокнут поленья под небом белесым.
Дым кисловатый не вьется над крышей.
В грядках пожухли ничейные флоксы...

– Может, завывать, и тогда ты услышишь?..

* * *

...Высокий лоб. Веснушек россыпь.
Задумчивый недетский взгляд.
И неудобные вопросы...
И щеки мамыны горят...

«Ступай, соседка, к бабе Стеше, –
Пусть даст целительный отвар:
Совсем ваш мальчик нехороший.
Уж не печной ли то угар?»

Живет в чудном каком-то мире,
Друзья, и те, считай, из книг.
Ты распахни-ка зенки шире,
Иль сына потеряешь вмиг».

...Мы не пошли в конец деревни,
Чтоб зелье бабкино хлебнуть.
По-прежнему под утро певни
Хомы рассеивали жуть,

И падала Тараса люлька,
И Чичиков летел стремглав,
И чайник, на плите забулькав,
Сморкался в плюшкинский рукав,

Скреблись в окно нагие сучья,
Как руки панночки, белы,
И бился Фердинанд в падучей,
Луну достав из-под полы...

...Высокий лоб. Седые пряди.
Кракле безжалостных морщин.
Со мной – на финишном параде –
Паноптикум родных личин.

* * *

У подъезда лапы елок:
Вот еще один усоп.
Тих насупленный поселок.
Одинокий желтый гроб
Без свидетелей, без судей
Погрузили на ГАЗон.
«Вот и ладно. Все там будем.
Повезло тебе, Семен:
Без болезни, в одночасье... –
Теща крестится вослед
(Не решит никак Настасья,
Ей заплакать или нет?) –
Ни копеечки, – куда там!
А бывало, всем двором...»

...Вот и прибыли «до хаты»:
Не погост – аэродром!
Под дождем лежать не сладко,
В небо уперев кадык.
«Надо, Сема, – пересадка,
Что с того, что не привык.
Потерпи еще минутку, –
Не найти никак гвоздей...»

(Две вороны-проститутки
Смачно каркнули с ветвей).

Застучали – три-четыре –
Молотками вразной...

Вот и «всё, что в этом мире
Называется судьбой».

* * *

Зачем нужны люди,
которые
рано или поздно
предадут,
обидят,
посмеются
над твоими
самыми сокровенными
мечтами,
когда можно
любить яблоню,
ревновать солнце,
доверять камню,
делиться секретами
с улиткой,
по-хорошему завидовать
птице и ветру,
уважать
пробивший асфальт
шампиньон,
просить прощения
у подорожника,
целовать снежинку
в студеной
Рождественской полынье...

* * *

Мама,
когда-то тебе
так и не удалось
«купить» в больнице
девочку.
Вместо нее
на заиндевельх санях
привезли из города меня,
внесли в избу,
распеленали
на теплом
лоскутном одеяле
под рев старшего брата:

«Ага,
сами обещали девочку,
а у этого
вон, –
пиписка торчит...»

Мама,
это я лишил тебя
дочерних
тепла и ласки,
я обрек
на боль
и одинокую старость,
я не смог
выдавить
ни слезинки
у твоей
тихой могилы...

«Девочки кончились», –
попыталась ты
успокоить тогда
безутешного брата.

Как же нам не повезло
в том январе,
когда на распродаже
не осталось
ни одной Машеньки,
пусть и самой заваливающей.

* * *

Памяти кинотеатра «Октябрь»

Первый курс.
Начало октября.
Мы только что
вернулись с картошки:
молодые, счастливые,
с головой окунувшиеся
в новое для нас
незнакомое чувство.
В первые же выходные
пошли в кинотеатр.

Я старался держаться молодцом:
покупал в фойе
теплый бочковой кофе
и пирожные,
правда, без крема.
Она убеждала меня,
что равнодушна к нему,
прекрасно понимая,
что на рубль с копейками
не очень-то разгуляешься.

Потом свет погас.
Мы взялись за руки
и так и просидели
до финальных титров,
летая во сне и наяву
вместе с героями фильма.
Лишь в самых пронзительных эпизодах,
когда завравшийся, униженный
молодым наглым соперником
Сергей
прыгал с «тарзанки»
в холодную воду,
а потом, скукожившись,
зарывался в солому,
словно прячась обратно
в материнское чрево,
мы одновременно
крепко
сжимали пальцы
и еще теснее
прижимались друг к другу.

После сеанса
шли пешком в общагу
через весь город,
пили воду с сиропом
из автомата,
собирали в тощем скверике
желтые
пятипалые листья.
Целовались...
Нам тогда казалось,
что этот октябрь,
эта осенняя лихорадка
никогда не закончатся,
ведь мы любили друг друга
больше жизни.

...Выбираюсь из холодной постели,
тыкаю пультом
в экран телевизора:
в кинотеатре «Октябрь» –
новое поступление
дальневосточных морепродуктов
и какого-то дешевого
китайского шмотья.

* * *

Она всегда говорит мне:
«Приятного аппетита!»
Женщина из кафе,
куда забегаю порой
перекусить по-быстрому,
обсохнуть,
если на улице идет дождь.
Тихая, зябкая,
далеко не красавица,
с гладко зачесанными волосами,
каждый раз
в одних и тех же
дешевеньких джинсах
и аккуратном переднике.

Неужто
желать приятного аппетита
входит в ее обязанности?
Вряд ли.
Вижу,
что говорит она это
не каждому.
Собирает посуду,
тщательно протирает столики
и уходит,
оставляя позади себя,
в дверном проеме,
нежное перетлинькивание
японских колокольчиков.

Я уже успел
придумать женщине биографию,
объяснение ее серым
печальным глазам,
ее вниманию ко мне...

И хоть знаю, –
не заговорю, не познакомлюсь:
зачем?
что мне с ней делать?..
такой... –
приятно
вновь услышать
знакомый голос,
приятно
ответить «спасибо»
и уйти из кафе
только после того,
как она скроется на кухне.

В один из дней
она так и не выходит в зал,
хоть я сижу за столиком
дольше обычного.
Жду?
Ну вот еще!
Этого только не хватало...
Поднимаюсь,
иду к выходу.
В дверях,
не выдержав,
оборачиваюсь...
Нет, – не вышла...
И в следующий мой приезд,
и в следующий...

Потом в кафе
появляется новая работница –
шумная, бесцеремонная...
Заметив, похоже,
мое беспокойство,
то,
как я раз за разом
оборачиваюсь на шелест колокольчиков,
кассирша
знаками подзывает меня к стойке.
«Вы не Тоню ждете?
А ее нет...
Совсем нет... –
видя мое замешательство
добавляет кассирша. –
После работы

переходила дорогу
и угодила под трамвай.
Задумалась, видно,
постоянно ее приходилось
возвращать на землю.
Я-то с ней ладила,
а посудомойки
частенько злословили:
и по работе, и так...
по женской части.
А уж когда она
с новой прической
и в яркой блузке
на работу пришла, –
и вовсе затюкали,
что, мол,
наконец-то хахаль появился?
Ой, извините,
не хотела вас обидеть.
Так это вы были?!»
Растерянно пожимаю плечами,
мямлю что-то в ответ,
глупое, трусливое,
выхожу на улицу.
(Как же я тогда не понял,
что в ней поменялось,
почему она прям светится?..)

Мимо кафе,
громыхая на стыках,
бежит в гору трамвай,
такого же василькового цвета,
как блузка женщины,
которая хотела так не много:
говорить добрые слова
странному
одинокому человеку
за третьим столиком
у окна.

Довольно-таки богатый,
блещущий обильным гляncем
книжный магазин.
Как водится,
в сторонке,
подальше от основных
людских потоков,
скромно и несуетно
расположились
книги по философии,
литературоведению,
религии...

У окна –
небольшой стенд
с яркими буквами:
УЦЕНКА.
Подхожу с некоторой опаской:
кого сегодня
«бросают
с парохода современности», –
Данте,
Пушкина,
Толстого?..

Прямо под надписью,
несколько выше
тощих
пожелтевших брошюр,
гордо и благородно
стоит
со скрученными
за спиной руками...
Библия.

В ответ
на мой недоуменный взгляд
девушка-продавец,
оторвавшись от гламурного журнальчика,
капризно передергивает плечами,
искренне недоумевая:
«А что, собственно, не так?
Столько народу
ходит мимо
каждый день,
и всех всё устраивает...»

О, святая простота!

(Еще одна
любимая внучка
той самой старушки,
что подбросила
вязанку хвороста
в костер
Яна Гуса.)

* * *

Умирает русская деревня.
Уже умерла.
На сто верст вокруг –
редкие свадьбы.
Да и те собачьи.

* * *

«...Мы уверены,
что можем добиться
коренных изменений
в жизни
нашего родного края!..»

«Все – на выборы!»

Нудный
осенний дождь
старательно слизывает
с убогого рекламного щита
на улице Клубной,
возле остова
бывшего клуба,
ошметки
ничем не подкрепленных
обещаний.

Старуха
в черном шерстяном платке,
по пути с кладбища,
останавливается возле щита,
пытается разглядить

ветхой рукой
липкую патоку
чужих
малопонятных слов.
С минуту пошамкав
беззубым
обугленным ртом,
мелко перекрестившись,
продолжает свой долгий
голгофский путь
по бывшей улице
без пяти минут
бывшей деревни.

* * *

Он выскочил из-за угла
совершенно неожиданно,
галопом промчался мимо нас:
гладкий,
мускулистый,
с огромными,
на полморды,
шагаловскими глазами,
и застыл на двери гаража,
все еще горячий
от сумасшедшего бега,
с густой,
развевающейся на ветру
синей гривой.

Ни вчера, ни раньше
его здесь не было.
И вдруг –
такое чудо!
Оля смотрела на синего коня
раскрыв рот,
долго не решаясь
подойти к нему
и потрогать.
Несколько осмелев,
погладила мягкие
осторожные губы
и даже протянула к ним
надкусанное яблоко:
«Ешь! Оно сладкое!»

Не долго думая,
мы с дочкой
назвали нового знакомого
Коньком-Горбунком,
и каждый раз,
по дороге к бабушке,
заходили к нему в гости.
Ведь нарисованный
синей краской конь
как вбежал однажды
на дверь гаража,
так и оставался на ней
на радость
детворе и взрослым.

...Падал снег...
...Лепетали
на весеннем ветру
первые клейкие листочки...
...Наливались
щедрой тяжестью в садах
беременные яблони...
...Один за другим
ушли из жизни родители,
и мне
незачем стало бывать
на дальней
городской окраине...

Каково же было
мое удивление,
когда,
случайно оказавшись на забытой
тихой улочке,
я вновь увидел
Конька-Горбунка.
Давно уже ничейный гараж
покоился,
зарос бурьяном,
да и некогда ярко-синий конь
изрядно постарел и выцвел.
Но все так же
горячо и победно
развевалась на ветру
его тугая грива,
цокали копыта,
трепетали чуткие
влажные ноздри...

Вот только разделить
радость нечаянной встречи
в этот раз
оказалось не с кем.
Осенний
равнодушный ветер
не только разметал
конскую гриву,
но и унес мою Олю:
далеко-далеко
за синее море,
в огромный
чужой город,
где нет ни бабушки,
ни Ершова,
ни звезд в ночном небе,
ни синего,
почти ручного, коня,
который по-прежнему ждет,
что его угостит яблоком
смешная
трехлетняя девочка.